

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙСМАНЪ.

Цѣна на годъ съ дост.	6 р. — к.
безъ дост.	5 » — »
На полгода.	3 » 50 »
На три мѣсяца.	2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Торжественные выходы московскихъ царей. С. Михайловская. — II. Михаилъ Ивановичъ Глинка. Е. Дубровина. — III. Приключеніе Милорда. (Стих.) Д. Садовниковъ. — IV. Письма изъ Швейцаріи. Роечко

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ВЫХОДЫ МОСКОВСКИХЪ ЦАРЕЙ.

В XVI и XVII столѣтіяхъ, московскіе цари рѣзко различались съ великими князьями древней Руси. Князь былъ главнымъ судьей и оберегателемъ земли отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, за что земля и „кормила“ его. Значеніе князя древней Руси и его отношенія къ гражданамъ всего ярче выражается на вѣѣ. Часто оживленные споры на вѣчевыхъ сходкахъ кончались фразой участ-

никовъ вѣча: „А мы тебѣ кланяемся, княже, а по твоему не хотимъ“. Князья, съ своей стороны, обращаясь къ людямъ вѣча, называли ихъ: „братья“!

Совсѣмъ другое видимъ мы въ концѣ XVII столѣтія. Государь принужденъ былъ строго запретить писать въ челобитныхъ: „Умилосердися яко Богъ“, или: „Работаю я холопъ вашъ вамъ великемъ государемъ яко Богу“.

Типъ московскаго великаго государя, самодержца всея Руси, слагаясь постепенно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, выразился вполнѣ въ XVII столѣтіи.

Но несмотря на огромное различіе этихъ двухъ типовъ правителей Русской земли, на высокое положеніе, въ которомъ стояли московскіе цари по отношенію къ народу, въ домашнемъ быту они оставались вѣрными старинѣ. Жизнь во дворцѣ, отличаясь большей роскошью, но въ общихъ чертахъ была схожа съ жизнью народа, — тѣ же вѣрованія, вкусы, обычаи, домашніе порядки. Даже жилище царское, украшенное позолотой, рѣзбой, различными тканями и коврами, была просторная изба съ переднимъ угломъ, лавками, коникомъ и долгое время сохраняло названіе избы государевой.

Присоединеніе къ Москвѣ многихъ удѣловъ, а затѣмъ пріѣздъ въ 1472 году греческой царевны Софьи Палеологъ имѣли сильное вліяніе. Начались болѣе частыя сношенія съ европейскими дворами, пріѣзды иностранныхъ пословъ, все это потребовало особенной церемоніальности, роскоши и блеска.

Подражаніе византійскимъ порядкамъ отразилось и въ великолѣпшіи церковныхъ выходовъ московскихъ царей, благочестивые, набожные цари устраивали свои церковные выходы особенно торжественно. Годовые праздники съ выходами раздѣлялись на три разряда, для каждаго разряда назначалось особенное выходное платье. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ изданъ приказъ — въ какомъ именно платьѣ должны были быть сопровождающіе царя во время выхода.

Общепринятымъ верхнимъ платьемъ въ подобныхъ случаяхъ считались фрезы, изъ золотой, бархатной или плотной шелковой матеріи (объяринныя). Боярамъ, которые не въ состояніи были спить себѣ дорогое платье, выдавалось на случаи выходовъ платье изъ государственной казны. Торжественнѣе всѣхъ выходовъ былъ выходъ на Рождество, Богоявленіе, Новый годъ, начало котораго въ до-петровской Руси праздновалось 1-го сентября, Свѣтлое Воскресеніе, Благовѣщеніе, Троицынъ день, 1-е августа и день Успенія Пресвятой Богородицы.

Празднованіе Рождества начиналось еще въ сочельникъ, царскими часами и многолѣтіемъ, въ Успенскомъ соборѣ, а при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Золотой палатѣ или Столовой избѣ. Въ сочельникъ же до выхода въ церковь, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ въ сопровожденіи немногихъ стрѣльцовъ и доверенныхъ лицъ въ тюрьмы и богадѣлни и одѣлалъ содержавшихся тамъ щедрой милостыней. Проходя по улицамъ, государь раздавалъ также милостыню нищимъ, собиравшимся ко времени выхода царя со всѣхъ сторонъ Москвы. Вечеромъ въ сочельникъ соборное духовенство вмѣстѣ съ пѣвчими государя приходило славить Христа. Государь принималъ ихъ въ Передней палатѣ и по окончаніи пѣнія молитвъ, раздавалъ имъ славенное и жаловалъ каждому по ковшу бѣлаго и краснаго меда. Отъ государя духовенство отправлялось на половину царицы, а потомъ къ патріарху.

Въ день Рождества, до обѣдни государь принималъ патріарха въ Золотой палатѣ. Патріархъ въ сопровожденіи митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ приходилъ славить Христа и здравствовать государю съ праздникомъ, послѣ чего государь надѣвалъ царскій нарядъ и шествовалъ въ соборъ къ обѣдни. Всѣ придворные и служащіе чины, сопровождавшіе царя, были одѣты въ золотные кафтаны. Наибольшимъ великолѣшіемъ и торжествомъ отличался выходъ государя въ

день Богоявленія. Къ этому выходу приглашались нерѣдко иностранные послы и гости; многіе прїѣзжали въ Москву издалека къ этому празднику. Народу собиралось до трехъ сотъ тысячъ. Пышность и великолѣпіе, съ которыми являлся государь народу, выражаетъ не только его желаніе явиться въ обстановкѣ достойной государя—самодержца всей Руси, но и его сочувствіе съ народомъ, чтившимъ этотъ праздникъ съ первыхъ временъ принятія христіанства.

Въ день Богоявленія іордань устраивалась на Москвѣ-рѣкѣ. Путь къ іордани отъ Успенскаго собора шель среди густой, многочисленной толпы народа и между двухъ линій стрѣльцовъ съ знаменами и барабанами, одѣтыхъ въ цвѣтное платье. Въ концѣ XVII столѣтія, на площади, между Ивановской колокольной и Чудовымъ монастыремъ, становились большія голландскія пищали (пушки); при нихъ весь пушкарскій чинъ въ парадѣ съ знаменами и цвѣтнымъ платьемъ. Звонъ колоколовъ на Иванѣ-Великомъ возвѣщалъ народу начало шествія. Государь выходилъ изъ своихъ комнатъ въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ; народъ, увидя его, низко кланялся ему. Войдя въ соборъ, государь надѣвалъ царскій нарядъ, принималъ благословеніе отъ патріарха и становился на свое царское мѣсто. Въ соборъ за нимъ входили только высшіе чины; другіе же по чинамъ устанавливались рядами на площади между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. Въ началѣ крестнаго хода, государь, выходя изъ собора, останавливался въ южныхъ вратахъ; патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, а все духовенство отдавало ему по два поклона, послѣ чего открывалось шествіе къ іордани. Впереди шли стрѣльцы и выборные изъ полковъ, всего около тысячи человекъ, по четыре въ рядъ, въ цвѣтныхъ платьяхъ, одни съ золочеными пищалями, другіе съ золочеными кошками, третьи съ золочеными протазанами (pertuisane—родъ алебарды), древки которыхъ были покрыты желтымъ или краснымъ атласомъ, обитымъ золотыми галунами. За

войскомъ слѣдовало многочисленное духовенство (однихъ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ было около пяти-сотъ), въ богатѣйшемъ облаченіи съ хоругвями, св. иконами и крестами. Патріархъ, окруженный высшимъ духовенствомъ, замыкалъ крестный ходъ, за которымъ открывалось шествіе государя. Впереди шли нижніе чины по три въ рядъ, за ними дворяне, стольники въ золотныхъ кафтанахъ, далѣ думные дьяки и городничіе въ богатыхъ шубахъ. Государь, предшествуемый постельничимъ и стряпчими, несшими царскую стряпню, т. е. царское полотенце или платокъ носовой, подножіе, кресло и балдахинъ, шествовалъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Сверхъ богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ была порфира изъ дорогой золотной матеріи съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпанномъ драгоценными камнями. На головѣ у него былъ царскій вѣнецъ съ соболиной опушкой, украшенный алмазами, изумрудами и яхонтами. На плечахъ у государя были надѣты богатые бармы, на шеѣ крестъ животворящаго древа; въ правой рукѣ онъ держалъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и камнями. Бархатные или сафьянные сапоги государя были унизаны жемчугомъ. Государя поддерживали подъ руки двое стольниковъ. Около него шли думные бояре въ богатѣйшихъ шубахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути шли стрѣleckіе полковники въ бархатныхъ обѣяренныхъ фerezяхъ, за ними гости въ золотныхъ кафтанахъ. Шествіе замыкалось 200 стрѣльцовъ, шедшихъ „въ одинъ человекъ“ въ цвѣтныхъ кафтанахъ съ золочеными пищалями. Такъ какъ государь возвращался съ іордани обыкновенно въ саняхъ, то вслѣдъ за шествіемъ ѣхали парадныя государевы сани, въ сопровожденіи дьяковъ конюшеннаго приказа и стремянныхъ конюховъ въ цвѣтныхъ бархатныхъ и суконныхъ кафтанахъ. Подлѣ іорданной сѣни, украшенной золотомъ и серебромъ, ставились особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто имѣло видъ небольшого храма съ пятью главами, украшеннаго рѣзбой

и позолотой. Все пространство вокруг іорданной сѣни было устлано краснымъ сукномъ и огорожено рѣзной рѣшеткой, внутри которой, кромѣ царя и патріарха, стояли духовенство и немногіе высшіе чины. На берегу Москвы-рѣки были расположены войска, съ оружіемъ и знаменами; за войскомъ на далекое пространство тѣснились толпы народа.

Послѣ того, какъ государь становился на свое мѣсто передъ водосвятиемъ, духовенство по двое въ рядъ подходили и кланялись сперва царю, потомъ патріарху. Затѣмъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи и начиналъ обрядъ водосвѣтія. Послѣ погруженія креста, патріархъ наливалъ святой воды въ государеву стопу, которую относили во дворецъ и окропляли изъ нея иконы и всѣ комнаты. Затѣмъ патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ его святой водой и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь въ свою очередь поздравлялъ патріарха, потомъ принималъ поздравленія духовенства и придворныхъ чиновъ, послѣ чего митрополиты кропили знамена святой водой.

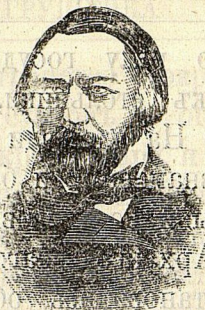
Крестный ходъ возвращался въ соборъ съ той же торжественностью.

Въ день Нового года на площади противъ Краснаго крыльца устраивался помостъ, огороженный рѣзными золочеными рѣшетками, устланный турецкими коврами. Внутри рѣшетки ставили налои съ иконами и все необходимое для „дѣйства“. Тутъ же оставались два мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто было покрыто краснымъ бархатомъ или серебряной парчей, а мѣсто патріарха—персидскимъ ковромъ. Когда патріархъ выходилъ въ преднесеніи хоругвей, иконъ и крестовъ изъ собора въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, изъ дворца начиналось шествіе государя, возвѣщавшееся колокольнымъ звономъ, который и продолжался до тѣхъ поръ, пока государь становился на свое мѣсто, гдѣ и принималъ благословеніе отъ патріарха, спрашивавшаго „о его царскомъ здравіи“. Духовенство становилось по обѣимъ сторонамъ царскаго и патріаршаго мѣстъ, бояре и

вышіе чины по правую руку государя; все они были въ фerezяхъ, такъ же какъ стольники, дворяне и стряпчіе, стоявшіе въ рѣшетки. На площади стояли стрѣльцы въ цвѣтномъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, и впереди нихъ стрѣлецкіе головы и полуголовы въ бархатныхъ фerezяхъ. На паперти Архангельскаго собора, откуда была видна вся церемонія, становились обыкновенно иноземные послы, пріѣзжіе иностранцы и посланцы изъ русскихъ областей, пріѣзжавшіе въ Москву по дѣламъ. Далѣе вся площадь была покрыта многочисленной толпой народа.

Передъ началомъ службы духовенство подходило по двое и кланялось царю и патріарху. По окончаніи службы патріархъ, осѣнивъ государя крестомъ, говорилъ ему рѣчь, желалъ здравія ему съ царицей, царевичами и царевнами, называя по именамъ, съ его государевыми богомольцами—архіепископами и священнымъ соборомъ, боярами, воинствомъ и со всеми православными христіанами—рѣчь заключалась словами: „здравствуй царь государь нынѣшній годъ и впредьидущія многія лѣта въ родъ и во вѣки“. Государь отвѣчалъ патріарху краткой рѣчью, прикладывался къ иконамъ и Евангелію и принималъ поздравленія отъ духовенства, подходившаго по двое. Послѣ духовенства государя поздравляли свѣтскіе сановники, кланяясь ему „большимъ обычаемъ, т. е. почти до земли, при чемъ старѣйшій говорилъ государю рѣчь. Принявъ поздравленія отъ бояръ, государь обращался къ войску и народу, кланявшимся ему при этомъ до земли. Государь отвѣчалъ „міру“ поклономъ. „Это была трогательная картина благоговѣйнаго почтенія вѣнценосцу“, говоритъ иностранный очевидецъ этого торжества.

По принятіи поздравленій, государь возвращался во дворецъ или шествовалъ со свитой къ обѣднѣ въ церковь Благовѣщенія. Съ такимъ же торжествомъ совершались выходы и въ другіе праздники, разница была только въ подробностяхъ, связанныхъ съ характеромъ и значеніемъ каждаго праздника.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Въ 1804 г. 20-го мая, въ селѣ Новоспасскомъ, расположенномъ на берегу рѣки Десны, почти сплошь окруженномъ непроходимыми лѣсами, примыкающими къ знаменитымъ брянскимъ лѣсамъ, на утренней зарѣ родился геніальный творецъ русской оперы—Михаиль Ивановичъ Глинка. Вскорѣ по его появленіи на свѣтъ, мать принуждена была отдать его на попеченіе бабушкѣ его по отцу, съ которою онъ и провелъ первые четыре года жизни, рѣдко видаясь съ родителями. Слабый отъ рожденія, онъ могъ бы оправиться и окрѣпнуть подъ вліяніемъ воздуха, свободы и солнца, но бабушка, вѣчно хворающая, держала его безотлучно въ комнатѣ нагрѣтой до 20° Реомюра; кормила сластями, бубликами и разными печеніями; выпускала изъ дома только въ самые теплые дни; кутала и нянчила какъ больную дѣвочку. Эта привычка къ тепличной жизни отзывалась у него впоследствии слабымъ организмомъ и пристрастіемъ къ теплomu климату; но какъ ни баловала старушка своего внука, никакъ не могла испортить его характера: кроткій, послушный, тихій, маленькій Миша раздражался только тогда, когда его отрывали отъ занятій.

Художественная натура мальчика сказала рано; ребенкомъ ползая по полу, онъ рисовалъ на немъ мѣломъ деревья и церкви; рано выучившись читать, приводилъ въ умиленіе бабушку и ея сверстницъ чтеніемъ духовныхъ книгъ. Религіозный до восторженности, Миша жадно вслушивался

въ звуки церковнаго колокола и въ совершенствѣ подражалъ этимъ звукамъ съ помощью двухъ мѣдныхъ тазовъ. Во время частыхъ болѣзней Миши, бабушка приказывала приносить къ нему въ комнату маленькіе колокола, и мальчикъ звоня ими предпочиталъ эту забаву всѣмъ остальнымъ. По кончинѣ бабушки, Михаилъ Ивановичъ перешелъ въ домъ родителей. Тамъ образъ жизни его измѣнился. Мать стала приучать мальчика къ большей выносливости и отпускала гулять во всякую погоду. Но здоровье Миши не окрѣпло отъ этой переменѣ: онъ легко простужался и росъ слабымъ, хилымъ мальчикомъ, съ сильно развитой впечатлительностью. Кромѣ старой няни, для надзора за нимъ мать взяла простую, добрую женщину, скоро привязавшуюся къ мальчику всей душой. Звали ее Ириной Ѳеодоровной Мѣшковой. Въ своей автобіографіи Глинка упоминаетъ объ ней съ любовью и уваженіемъ. Тихо и мирно шла его жизнь между этими тремя любящими женщинами. Впослѣдствіи отецъ нанялъ ему гувернантку, француженку Розу Ивановну и архитектора для уроковъ рисованія. Въ началѣ мальчику показались скучны методическіе уроки, привыкшему заниматься только тѣмъ, къ чему чувствовалъ склонность. Но не смотря на это онъ дѣлалъ поражающіе успѣхи и скоро незамѣтно для себя втянулся и въ эти занятія. Окруженный женщинами, играя только съ своей сестрою и съ маленькой дочерью няни, Миша не походилъ на другихъ дѣтей его возраста, всѣ его забавы и игры отличались мирнымъ, степеннымъ характеромъ. Да и отъ этихъ игръ онъ скоро отказался, увлекшись страстью къ чтенію, рисованію и чертѣжу географическихъ картъ. Страсть эта зародилась у него слѣдующимъ образомъ: одинъ дальній родственникъ, добродушный, любезный старикъ, много на своемъ вѣку изучавшій и видѣвшій, часто бывалъ въ домѣ отца Глинки и любилъ бесѣдовать съ нимъ. Много диковинокъ услышалъ отъ него мальчикъ о далекихъ краяхъ, о дикихъ народахъ, о звѣряхъ и растеніяхъ тропическихъ странъ,—и сердце его замирало отъ восторга, глазки свер-

кали нетерпѣніемъ скорѣе, скорѣе увидать все это самому. Старикъ подарилъ ему нѣсколько томовъ различныхъ путешествій, и мальчикъ читалъ ихъ почти неотрываясь. Новый міръ, полный красотъ, открылся ему. Когда дѣло дошло до описанія Цейлона, Явы и другихъ острововъ Индѣйскаго Архипелага, Миша приполъ въ неописанный восторгъ, сталъ дѣлать изъ этихъ книгъ выписки и такъ увлекся географіей, что она сдѣлалась его любимѣйшей наукой. Послѣ географіи первое мѣсто заняла зоологія; онъ пристрастился къ этимъ предметамъ до того, что даже и въ то время когда весь отдавался музыкѣ, — отдыхалъ читая путешествія. Зайчики, кролики, кошки, собаки и разныя птицы всегда находили себѣ у него покойный и радушный пріютъ.

Долго никто не подозрѣвалъ, что въ душѣ мальчика зрѣетъ зачатокъ того творческаго генія, который поднялъ его впоследствии на одну высоту съ музыкальными свѣтилами Западной Европы.

Однажды, когда Мишѣ шелъ десятый годъ, къ отцу его собралось множество гостей. Желая повеселить ихъ, онъ отправилъ гонца къ брату жены, прося его прислать къ нему на вечеръ оркестръ своихъ музыкантовъ. Просьба была исполнена. Въ числѣ многихъ пьесъ, прекрасно исполненныхъ этимъ домашнимъ оркестромъ, особенно удачно былъ сыгранъ квартетъ Крузеля. Занятые музыкой, ни гости, ни домашніе не замѣтили Мишу, сидѣвшаго въ углу съ сверкающими глазами, съ затаеннымъ дыханіемъ, дрожавшаго какъ въ лихорадкѣ.

На другой день Миша былъ блѣденъ, задумчивъ и разсѣяннo сидѣлъ за утреннимъ урокомъ рисованія. Его неестественное состояніе обратило на себя вниманіе учителя, и онъ спросилъ не вчерашняя ли музыка его такъ разстроила, и не о ней ли онъ думаетъ все время, не отвѣчая на его вопросы.

— Что же мнѣ дѣлать, — искренно отвѣчалъ мальчикъ, — я чувствую что музыка — душа моя.

И дѣйствительно съ этой поры музыка стала его душою. Оркестръ сдѣлался для него источникомъ самыхъ живыхъ, восторженныхъ радостей. Когда играли танцы, Миша бралъ въ руки скрипку или риссолю-флейту, и подыгрывалъ имъ, ни разу не нарушивъ гармоніи невѣрной нотой или невыдержкой такта. Отецъ былъ недоволенъ что онъ не танцуетъ и бросаетъ гостей; мальчикъ уступалъ ему, но при малѣйшей возможности снова возвращался къ оркестру. На его счастье гости часто стали собираться въ домъ родителей, и дядя позволилъ пользоваться его оркестромъ. Во время ужина играли обыкновенно русскія пѣсни; эти пѣсни особенно сильно дѣйствовали на душу мальчика и конечно были первой причиною того, что впослѣдствіи онъ преимущественно занимался разработкой этихъ грустныхъ, народныхъ мелодій. Можетъ быть эти пѣсни, какъ первыя впечатлѣнія чистой дѣтской души,—породили въ немъ ту любовь къ своей родинѣ, которая слышится во всѣхъ его произведеніяхъ, зачаровываетъ слушателя, и дѣлаетъ его лучше, способнѣе къ добру.

Строгая, педантичная двадцатилѣтняя воспитанница Смольнаго монастыря, Варвара Ѳедоровна Кламмеръ, приглашена была въ домъ Глинки какъ гувернантка Миши и сестры его Лизы, учить ихъ иностраннымъ языкамъ, географіи и музыкѣ. Дѣтямъ опять пришлось столкнуться съ сухой формалистикой; и на этотъ разъ онъ вышелъ побѣдителемъ. Страсть къ занятіямъ пересилила скуку, и успѣхи мальчика не оставляли желать лучшаго. Вскорѣ Мишѣ взяли скрипача, учить играть на скрипкѣ, мальчикъ и тутъ шолъ прекрасно, но учитель не удовлетворялъ его, и ученикъ сразу отнесся къ нему критически. Послѣ русскихъ пѣсень, Глинка больше всего любилъ увертюры, любимыми пьесами его были: „Два слѣпца“ Мегюля, „Лодоиска“ Крейцера, въ особенности „Rondo L'orage“ Штейбельта.

Въ началѣ зимы 1817 г. вся семья Глинки съ m-elle Кламмеръ отправилась въ Петербургъ, съ цѣлью отдать Мишу въ новооткрывшійся благородный пансіонъ при Педа-

гогическомъ институтѣ. Видѣ столицы, домовъ, улицъ, построекъ произвелъ на Глинку чарующее впечатлѣніе.

Въ Педагогическомъ институтѣ самое отрадное впечатлѣніе произвелъ на Глинку субъинспекторъ института, Иванъ Евдокимовичъ Колмаковъ. Въ запискахъ своихъ Глинка упоминаетъ о немъ какъ о человѣкѣ добромъ, веселомъ, относившемся къ ученикамъ отечески. Ученики очень любили его, хотя нерѣдко надъ нимъ посмѣивались; и даже сочинили на него стихи, къ которымъ Глинка подобралъ музыку. Тѣмъ не менѣе Колмаковъ пользовался въ институтѣ большой популярностью; онъ любилъ науку, все зналъ, все помнилъ и всегда умѣлъ растолковать и объяснить ученикамъ все, съ чѣмъ бы они къ нему ни обращались, и до того простиралъ свою доброту, что часто въ классѣ подсказывалъ уроки тѣмъ ученикамъ, которые плохо ихъ знали, за что инспекторъ Толмачевъ нерѣдко дѣлалъ ему выговоры. Въ запискахъ своихъ Глинка упоминаетъ, что Колмаковъ и по окончаніи воспитанниками курса оставался ихъ другомъ и собесѣдникомъ. Глинка ему обязанъ своимъ знаніемъ латинской литературы, которую прекрасно передавалъ Колмаковъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Глинка началъ брать уроки на фортепьяно у Фильда, но долженъ былъ скоро прекратить ихъ, за отъѣздомъ Фильда въ Москву. Глинка говоритъ, что когда онъ слушалъ игру своего знаменитаго учителя, то казалось будто „крупныя капли дождя падаютъ на бархатъ и скатываются по немъ жемчужными зернами“. Послѣ Фильда, Оманъ и Цейнеръ усовершенствовали его игру. Четвертымъ учителемъ Глинки былъ Карлъ Мейеръ, онъ больше всѣхъ способствовалъ развитію его музыкальнаго таланта. Преподаваніе теоріи шло не такъ успѣшно; онъ занимался ею урывками и полного, систематическаго курса не прошолъ. Больше всѣхъ ему принесъ пользы въ теоріи музыки Денъ, въ Берлинѣ, хотя Глинка работалъ у него только пять мѣсяцевъ.

Въ день выпуска изъ института Глинка публично игралъ

А-мольный концертъ Гуммеля, а Мейеръ аккомпанировалъ ему на другомъ роялѣ. Успѣхъ былъ полный, и Глинка былъ выпущенъ первымъ ученикомъ. Не смотря на то, что уроки на скрипкѣ шли у Глинки не такъ блистательно, онъ могъ играть въ оркестрѣ дяди и воспользовался этимъ, чтобы практически изучить инструментовку.

Во время пребыванія Глинки въ пансіонѣ, родители и знакомые часто брали его въ театръ; оперы и балеты приводили его въ восторгъ. Пѣніе онъ понималъ еще плохо, но инструментальныя соло и оркестръ восхищали его. Пѣнію онъ учился послѣ у итальянца Беллоли.

По выпускѣ изъ института, Глинка обратилъ серьезное вниманіе на свое музыкальное образованіе и сдѣлалъ все отъ него зависящее, прежде чѣмъ выступилъ на самостоятельный, широкій путь творчества.

По выпускѣ изъ пансіона Глинка отправился на Кавказъ, чтобы пользоваться минеральными водами. Но воды больше разслабили его и разстроили нервы.

Вернувшись въ Новоспасское, Глинка съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Въ апрѣлѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ на службу въ канцелярію совѣта путей сообщенія, служба доставила ему знакомство съ графомъ Сиверсомъ, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ очень радушно. Жена Сиверса превосходно пѣла и салонъ ея посѣщался лучшими пѣвцами и музыкантами. Музыка была по преимуществу классическая. Слушая „Clerchens Tod“ Бетховена, Глинкѣ казалось, что и у него самого перестаетъ биться сердце.

Около этого времени онъ написалъ свое первое allegro сонаты D—moll и Rondo на мотивъ русской пѣсни, впоследствии перенесенное имъ въ „Дѣтскую польку“.

Въ концѣ декабря Михаилъ Ивановичъ отправился въ деревню, на свадьбу старшей сестры своей и оттуда вмѣстѣ съ родными проѣхалъ въ Смоленскъ. Въ Смоленскѣ они остановились на квартирѣ своего родственника, Алексѣя Андреевича Ушакова, 18-лѣтняя дочь котораго, миловидная

дѣвушка, хорошо игравшая на фортепьяно, такъ понравилась Глинкѣ, что онъ написалъ для нея варьяціи на одинъ итальянскій романсъ и отдалъ его въ печать, это была его первая пьеса, появившаяся въ печати.

Въ то время въ Смоленскѣ жило семейство генерала Апухтина, любившаго устраивать въ своемъ домѣ всякаго рода пиры. Такъ какъ по случаю траура танцы были запрещены, то онъ устраивалъ музыкальныя представленія согласно съ обстоятельствами времени; давали прологъ на кончину императора Александра I, и на восшествіе на престолъ государя Николая Павловича. Слова были сочинены на французскомъ языкѣ гувернеромъ дѣтей генерала, музыка поручена Глинкѣ. Онъ писалъ музыку съ удовольствіемъ и въ запискахъ своихъ говорить, что это былъ первый и вполнѣ удачный опытъ его въ вокальной музыкѣ большого размѣра.

Возвратившись въ Петербургъ, Глинка заболѣлъ глазами. Въ этотъ періодъ времени онъ сблизился съ Яковлевымъ, Дельвигомъ и Пушкинымъ и писалъ музыку къ ихъ романсамъ, отъ Грибоѣдова онъ занялъ тему грузинской пѣсни, на которую Пушкинъ написалъ романсъ „Не пой, волшебница, при мнѣ“, и познакомился съ пѣвцомъ Ивановымъ, извѣстнымъ не только своимъ дивнымъ голосомъ, но и горькой долей, заставившей его отказаться отъ родины, и талантъ свой посвятить чужой землѣ, чужому народу.

Осенью того же года, Глинка услыхалъ на одномъ изъ собраній персидскую пѣсню, спѣтую секретаремъ Хозрева-Мирзы. Въ ней слышалась волшебная нѣга Востока и какая-то тоска по обманутымъ надеждамъ. Эта пѣсня поразила Глинку до того, что цѣлый вечеръ звучала въ душѣ его. Дома онъ записалъ ее, и впоследствии перенесъ въ оперу „Русланъ“ въ видѣ восточнаго хора: „Ложится въ полѣ мракъ ночной“.

Новые приступы болѣзни заставили Глинку бросить занятія. Страданія его доходили до того, что онъ кричалъ и катался по полу. Пилюли изъ опія, прописанныя какимъ-то врачомъ-итальянцемъ, успокаивали боль, но въ конецъ раз-

строили его здоровье. Медики совѣтовали ему ѣхать года на три за-границу, въ теплый климатъ. 25-го апрѣля 1830 года Глинка отправился въ путь вмѣстѣ съ Ивановымъ, путевыя издержки котораго отецъ Михаила Ивановича принялъ на свой счетъ, чтобъ доставить сыну пріятнаго спутника.

За-границей, вездѣ, гдѣ только проѣзжалъ Глинка, онъ заводилъ дружбу съ пѣвцами, музыкантами, оперными артистами, являлся на музыкальные вечера, и самъ ихъ устраивалъ. Италія доставляла ему много отрадныхъ минутъ роскошной природой, чуднымъ климатомъ, классической красотой жителей. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ говоритъ: „Не мало труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское *Sentimento brillante*, слѣдствіе вліянія благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители Сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или вовсе не трогаютъ насъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ или безграничная веселость, или горькія слезы. Любовь всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя Сѣвера, а можетъ быть нѣсколько заимствована у жителей Востока; ихъ пѣсни не менѣе заунывны“.

Въ 1834 году Глинка вернулся въ Петербургъ, и у родственника своего Стунѣева встрѣтилъ сестру его жены по имени Марью Петровну, молодую дѣвушку, симпатичную и граціозную. Онъ полюбилъ эту дѣвушку, остался въ Петербургѣ и началъ учить ее пѣнію; Марья Петровна обладала небольшимъ, но очень пріятнымъ голосомъ, ей онъ посвятилъ свой романсъ „Только узналъ я тебя“.—Вскорѣ онъ сдѣлалъ Марьѣ Петровнѣ предложеніе, получилъ согласіе и поселился въ квартирѣ Стунѣева, который отдалъ ему свой кабинетъ. Въ обществѣ любимой невѣсты, среди музыки, бесѣдъ и пѣнія Глинка проводилъ восхитительные дни, и духъ творчества охватилъ его всего. Въ это счастливое время онъ высказалъ Жуковскому свое намѣреніе приняться за русскую оперу. Жуковский искренно одобрилъ его и предложилъ ему сюжетомъ подвигъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась

въ воображеніе Глинки; онъ находилъ ее оригинальной и характерно-русской. Жуковский хотѣлъ самъ писать текстъ и для пробы написалъ извѣстную пѣснь сироты:

Какъ мать убили у малаго птенца,
Остался птенчикъ сирѣ и гладенъ въ гнѣздѣ,
Соловушка узналъ и жаль ему бѣдняжки,
Онъ къ птенчику летитъ и крылышками грѣетъ, кормить и лелѣетъ.
Какъ мать скончалась у малаго сына,
Сыночекъ младенецъ круглой сталъ сиротой,
Какъ добрый человѣкъ почуялъ въ сердцѣ жалость.
Беретъ онъ сироту въ свою семью и любить и холить и голубить.

Къ сожалѣнію занятія не позволили Жуковскому принять участіе въ составленіи остальнаго текста, онъ передалъ это дѣло средняго таланта литератору барону Розену, секретарю Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича.

Въ музыкальномъ отношеніи дѣла оперы „Жизнь за Царя“ шли лучше: прелестное адажіо „Не томи родимый“ было написано въ то время, когда его привязанность къ невѣстѣ достигла до того, что одинъ часъ безъ нея казался ему томительнымъ днемъ. Молодая, пылкая душа его развернула всѣ свои силы и вылилась въ безсмертномъ твореніи, подобнаго которому до сихъ поръ еще не бывало въ исторіи русской музыки.

Въ концѣ апрѣля 1835 года Глинка женился, и въ маѣ отправился съ женою въ Новоспасское. Все соединилось, чтобъ сдѣлать этотъ путь очаровательнымъ; счастливый—онъ чувствовалъ какъ растетъ и крѣпнетъ въ немъ вдохновеніе, какъ оно носится надъ нимъ волнами гармоничныхъ аккордовъ; онъ бралъ карандашъ и бумагу и воплощалъ эти звуки въ стройныя пѣсни. Такъ, между Петербургомъ и Москвой, въ дорожной каретѣ, онъ экспромтомъ написалъ новый хоръ—„Разлелѣялась“. Счастью его не было бы мѣры, еслибъ подчасъ не отравляло его горькое, ни на чемъ еще не основанное сомнѣніе въ прочности этого счастья; его впечатлительная натура въ самомъ яркомъ свѣтѣ усматривала тѣнь, онъ боязливо вглядывался въ нее, и думалъ какъ бы помѣшать

ей разростаться. Когда товарищъ и другъ его Степановъ сказалъ, что „сердце вчужѣ радуется глядя на его счастье“, — Глинка отвѣчалъ: „повтори мнѣ эти слова черезъ десять лѣтъ, и я скажу тебѣ мое искреннее спасибо“.

Вернувшись въ Петербургъ, Глинка началъ усердно приводить въ систему всѣ отрывки, которые набрались у него въ четыре мѣсяца. Весною 1836 года, онъ сталъ хлопотать о принятіи своей оперы на сцену. Ему помогалъ капельмейстеръ Кавось. Послѣ многихъ стараній опера была принята, съ обязательствомъ не требовать за нее вознагражденія, Жуковский, сожалья что ему не удалось написать либретто, дѣлалъ все что могъ для успѣха оперы: онъ подбиралъ рисунки для декорацій, слѣдилъ за репетиціями, и объяснялъ декоратору Роллеру постановку послѣдней сцены въ Кремлѣ. Они вмѣстѣ ѣздили въ мастерскую Роллера, и Жуковский обо всемъ такъ заботился — какъ будто эта опера была его собственнымъ, любимымъ созданіемъ. Глинка обязанъ ему красотою и эффектомъ послѣдней картины; его самого поразила Кремлевская площадь, гдѣ разнородныя группы вырѣзанныхъ изъ картона людей волшебнымъ обманываютъ взоры зрителей и служатъ какъ бы продолженіемъ толпы народа, стоящаго на аванъ-сценѣ.

Лѣтомъ къ Глинкѣ вернулись его болѣзненные припадки, и такъ жестоко, что когда онъ, оправившись, явился на репетицію, его съ трудомъ можно было узнать, такъ онъ былъ худъ и блѣденъ. Незадолго до перваго представленія, государь почтилъ своимъ присутствіемъ одну изъ репетицій, онъ пріѣхалъ какъ разъ въ то время когда Петровъ съ Воробьевой исполняли превосходный дуэтъ. Государь подошелъ къ Глинкѣ и спросилъ: доволенъ ли онъ его артистами. „Да, Ваше Величество, — отвѣчалъ Глинка, — и въ особенности ревностью, съ которою они исполняютъ свою обязанность“. Этотъ свободный, прямой отвѣтъ чрезвычайно понравился государю, и онъ передалъ его артистамъ. Глинка получилъ позволеніе посвятить свою оперу государю импе-

ратору,—тогда вмѣсто „Иванъ Сусанинъ“ онъ далъ ей названіе „Жизнь за Царя“.

27 ноября 1836 года, назначено было первое представленіе. Въ этотъ день Глинка сравнивалъ себя съ невѣстой, готовящейся идти подъ вѣнецъ: и тутъ, какъ тамъ, рѣшался вопросъ жизни и смерти.

Первый актъ прошолъ благополучно, Глинка вздохнулъ свободнѣе; знаменитое тріо вызвало громъ рукоплесканій. Сцена поляковъ, начиная отъ польскаго до мазурки, встрѣчена была глубокимъ молчаніемъ; Глинка былъ близокъ къ обмороку. Появленіе Воробьевой разсѣяло его опасенія: пѣснь сироты, дуэтъ ея съ Петровымъ, квартетъ и проч. прошли блистательно. Въ четвертомъ актѣ произошло любопытное явленіе: хористы, игравшіе поляковъ, такъ увлеклись своей ролью, и съ такимъ ожесточеніемъ напали на Петрова, что разорвали на немъ рубашку, и онъ долженъ былъ не шутя защищаться. Великолѣпная картина эпилога и величавая торжественность хоровъ поразила самого Глинку. Успѣхъ оперы былъ совершенный; Глинка былъ какъ въ чадѣ, и по собственному выраженію „не помнитъ, что было когда опустили занавѣсъ“.

По окончаніи представленія, когда волненіе публики нѣсколько утихло, Глинку пригласили въ императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ его за оперу, замѣтивъ, что „напрасно Сусанина убиваютъ на сценѣ“. Послѣ государя, поблагодарила Глинку государыня, великіе князья и княжны. Черезъ нѣсколько дней Глинка получилъ отъ государя въ подарокъ перстень въ 4000 руб. ассигн., съ топазомъ, въ три ряда осыпанный превосходнѣйшими брилліантами.

Но не все умѣли понять и оцѣнить звуки родной музыки, получившей почетное названіе—„музыки народной“—были цѣнители, которые замѣняли ее словомъ „вульгарной“, и презрительно отозвались о новой оперѣ, называя ее „la musique des cochers“. Когда Глинкѣ передали этотъ отзывъ, онъ спокойно отвѣчалъ: „что же! кучера во многомъ дѣльнѣе

иныхъ господъ“. Эти цѣнители не умѣли понять глубокаго патріотизма музыки Глинки, не умѣли оцѣнить выраженіе той силы, которая поднимаетъ на подвигъ простаго крестьянскаго мальчика, во имя любви къ царю, сливавшагося съ любовью къ родинѣ. Нравственное чувство юнаго Вани заставляетъ его въ глухую ночь спѣшить изъ роднаго дома въ отдаленный монастырь *), чтобы предупредить царя о грозящей опасности. Вотъ какъ оно выражается въ пѣсни Вани:

Бѣдный конь въ полѣ палъ,

Я бѣгомъ добѣжалъ,

Вотъ и царскій дворъ!

Здѣсь царица и царь...

Поспѣши, государь,

Близко недруги.

Но кругомъ все молчитъ,

Монастырь крѣпко спитъ,

Достучусь ли я?

Отвори-те!

Ахъ зачѣмъ не витязь я?

Ахъ зачѣмъ не богатырь?

Выломилъ бы двери я

Желѣзные, чугуныя...

Самый вѣрный отзывъ о новой оперѣ сдѣланъ былъ Генрихомъ Мериме, статью котораго дочь министра Блудова прислала Глинкѣ въ день его ангела. Такого восторженнаго отзыва Глинка не встрѣтилъ ни въ комъ изъ своихъ соотечественниковъ.

„Жизнь за Царя“—говорить Мериме,—замѣчательна по своей оригинальности, по отсутствію подражанія, по новизнѣ стиля. Искусство облекается въ ней въ самую искреннюю, простую форму. Это музыкальная поэма, обнимающая собою всю скорбь, всѣ страданія русскаго народа, его вражду и симпатіи, его слезы и ликованія, его непроглядную ночь, съ яркой зарею будущаго; въ ней слышится то горькая жалоба,

*) Одни историки говорятъ, что Михайлъ съ матерью въ это время были въ своемъ домѣ въ Домнинѣ, другіе, что они находились въ Ипатьевскомъ монастырѣ въ Костромѣ, въ кельяхъ, а иные говорятъ—въ своемъ собственномъ домѣ, бывшемъ у нихъ въ Костромѣ.

то гордая надежда побѣды. Послѣдній крестьянинъ, перенесенный въ театръ изъ своей избы, узнаетъ въ ней свою исторію и будетъ тронутъ ею до глубины души. Это больше чѣмъ опера, это народная эпопея. Я, чужеземецъ, никогда не могъ оставаться равнодушнымъ, слушая эту музыку“.

Кружокъ друзей Глинки устроилъ ему вечеръ, въ ознаменованіе побѣды, одержанной талантомъ. Его чествовали на этомъ вечерѣ, какъ отца новой музыки, за него поднимались бокалы, провозглашались тосты. А. С. Пушкинъ сказалъ слѣдующіе стихи:

Пой въ восторгѣ русскій хоръ,
Вышла новая новинка,—
Веселися, Русь! нашъ Глинка
Ужъ не глина,—а фарфоръ!

Успѣхъ, пропасть работы, обязанность капельмейстера придворной пѣвческой капеллы, возложенная на Глинку государемъ, поглощали его и отвлекали отъ будничныхъ мелочей. Это было какъ нельзя болѣе кстати, на горизонтѣ его семейной жизни собирались грозовыя тучи. Жизнь жены его проходила въ выѣздахъ, капризахъ и заботѣ о нарядахъ. Глинка отдавалъ ей почти весь свой заработокъ, а она жаловалась знакомымъ, что онъ тратитъ слишкомъ много денегъ на нотную бумагу; и, пользуясь всѣми выгодами, которыя ей доставляла слава мужа, не давала ему взаменъ ничего, кромѣ упрековъ и холодности.

Работа была спасеніемъ Глинки, онъ съ удовольствіемъ принялъ заказъ смоленскаго дворянства—написать польскій для бала, даваемого въ Смоленскѣ по случаю проѣзда цесаревича. Этотъ польскій произвелъ восторгъ и, въ награду за него, Жуковский принесъ женѣ Глинки перстень изъ рубина, украшеннаго алмазами, цѣною въ 1,500 руб. ассигн.

1-го января 1837 года, Глинка былъ назначенъ придворнымъ капельмейстеромъ, а въ концѣ лѣта того же года Геденовъ предложилъ ему учить пѣнію въ театральномъ училищѣ избранныхъ имъ четырехъ ученицъ. Это время Глинка

называетъ лучшимъ временемъ жизни; его трогала наивная молодость, привлекательная простотой и безыскусственностью. Иногда онъ самъ игралъ и пѣлъ своимъ ученицамъ, восторгъ горѣлъ на молодыхъ личикахъ. Другія воспитанницы выбѣгали слушать его, даже маленькія дѣвочки высыпали изъ своихъ дортуаровъ на его игру, улыбаясь забѣгали впередъ, дѣлали ему книксены, весело говоря: „здравствуйте m-eur Глинка“.

Въ 1838 году Глинка былъ посланъ по высочайшему повелѣнію въ Малороссію, набирать пѣвчихъ для придворной капеллы, онъ такъ удачно выполнилъ это порученіе, что государь лично пожелалъ благодарить его и шутливо поклонился ему въ поясъ. Послѣ этого государь при всякой встрѣчѣ выражалъ Глинкѣ свое благоволеніе, и однажды, увидѣвшись съ нимъ въ театрѣ во время репетиціи, обнялъ его и прошелся съ нимъ по сценѣ. Въ награду за выборъ пѣвчихъ, Глинка получилъ отъ государя 1,500 руб. ассигн.

Чувство творчества овладѣло Глинкой; былъ готовъ матерьялъ для новой оперы, оставалось выправить его и привести въ систему. Служба отнимала слишкомъ много времени, и онъ вышелъ въ отставку. Вскорѣ послѣ этого Глинка развелся съ женой и уже ничто не мѣшало ему отдаться любимому дѣлу. Новая опера „Русланъ и Людмила“ была окончена. Глинка отдалъ ее на просмотръ Листу, бывшему въ Петербургѣ, Листъ поручился ему за полный успѣхъ. Глинка былъ доволенъ своимъ новымъ трудомъ и посмѣивался надъ графомъ Віельгорскимъ, говорившимъ, что „эта опера не будетъ имѣть успѣха“.

Въ 1842 году, было первое представленіе „Руслана“. Къ несчастію, пѣвица Петрова заболѣла и партію Ратмира передали талантливой, но неопытной воспитанницѣ; она такъ плохо провела сцену—„И жаръ и зной“, что публика замѣтно охладѣла къ оперѣ. Когда занавѣсъ опустили, между ашплудисментами и вызовами автора слышались шиканья.

Второе представленіе прошло не лучше перваго. На третье—явилась Петрова и исполнила свою роль съ такимъ

увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Театръ огласился рукоплесканіями, вызовамъ не было конца. Публика не узнавала оперы, надъ которой въ началѣ, вслѣдъ за государемъ, произнесла „и скучно, и длинно“. Въ теченіе зимы опера выдержала 32 представленія, но успѣха все-таки не имѣла и посѣщалась больше ради великолѣпной обстановки, чѣмъ ради музыки. Вѣльгорскій высказалъ почти общее мнѣніе, сказавъ Глинкѣ: „mon cher, c'est un operamanqué“.

Въ 1843 г. въ Петербургъ пріѣхала итальянская труппа, а русская опера была перенесена въ Москву. 15 лѣтъ „Русланъ“ не появлялся на сценѣ. По возобновленіи былъ встрѣченъ холодно, и только въ послѣднее время занялъ мѣсто на ряду съ лучшими произведеніями лучшихъ композиторовъ. Глинка сталъ вмѣстѣ съ Шуманомъ тотчасъ послѣ Бетховена.

Желая разсѣяться отъ неудачи, Глинка уѣхалъ въ Испанію. Вернувшись оттуда, прожилъ нѣкоторое время въ Смоленскѣ и отправился въ Варшаву. Въ Варшавѣ онъ получилъ извѣстіе о смерти матери. Это извѣстіе страшно поразило его; жизнь въ Варшавѣ показалась ему скучна, томительна, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ всю зиму, вмѣстѣ съ сестрой своей Л. И. Шестаковой, съ которой былъ особенно друженъ. Въ началѣ весны онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Съ 51-го по 56-й годъ Глинка не переставалъ путешествовать изъ за-границы въ Петербургъ, изъ Петербурга за-границу. Въ 57-мъ г. изъ Берлина описывалъ сестрѣ парадный концертъ во дворцѣ прусскаго короля, на которомъ, по настоянію Мейербера, исполняли тріо изъ „Жизни за Царя“; онъ прибавлялъ, что въ Берлинѣ хотятъ поставить эту оперу на сцену. Это письмо было послѣднее: Глинка заболѣлъ, простудившись при выходѣ съ этого концерта, и въ ночь со 2-го на 3-е февраля скончался тихо, покойно, какъ будто уснулъ. Не смотря на страшные припадки колики, отравившей послѣдніе дни Глинки, онъ до самой смерти не бросалъ музыкальныхъ занятій, и на-

канунѣ кончины просилъ Дена отослать его новыя фуги въ Петербургъ, къ своей „компаніи и братіи“.

Сначала Глинку похоронили въ Берлинѣ. На похоронахъ присутствовали Мейерберъ, Денъ и другія музыкальныя знаменитости Берлина. Но тѣло его не осталось въ чужой землѣ: Л. И. Шестакова, нѣжно его любившая, перевезла моремъ въ Петербургъ останки брата. 22 мая 1857 г. тѣло Глинки было встрѣчено въ Кронштадтѣ, нарочно для того назначеннымъ пароходомъ, и погребено на кладбищѣ Невскаго монастыря, вблизи Крылова, Карамзина и Жуковского. Въ придворной конюшенной церкви совершена была торжественная панихида, пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ находившійся подъ управленіемъ Глинки. Филармоническое общество, въ память геніальнаго композитора, дало концертъ въ залѣ благороднаго собранія, на которомъ были исполнены всѣ лучшія произведенія Глинки. Въ концертной залѣ, на пьедесталѣ изъ лиры, поставленъ былъ его бюстъ, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. На памятникѣ, надъ могилою Глинки, изсѣчена изъ камня строчка нотъ: первые такты изъ великолѣпнаго эпилога оперы: „Слався, слався нашъ русскій царь“.

Великую славу Глинки, какъ человѣка, составляетъ то, что онъ не обошелъ молчаніемъ въ запискахъ своихъ ни одного изъ тѣхъ, у кого заимствовалъ нѣкоторые мотивы для своихъ произведеній; съ одинаковымъ чувствомъ признательности онъ относился и къ пѣснѣ пахаря, и къ аріи итальянки, и къ восточнымъ гармоніямъ министерскаго секретаря. Слава не избаловала, не испортила Глинку: онъ умеръ какъ жилъ, вѣрный искусству, себѣ и своимъ симпатіямъ. 108 уроженцевъ Смоленска подписались подъ просьбой, поданной губернатору, о разрѣшеніи открытія памятника Глинкѣ. Только 108 человѣкъ изъ всей громадной толпы, болѣе сорока лѣтъ наслаждающейся его музыкой!

Е. Дубровина.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИЛОРДА.

(Изъ воспоминаній о собакѣ).

ОЧУ для памяти словечкомъ
Я помянуть въ своихъ стихахъ
Того, кто хвостъ носилъ колечкомъ
И весь былъ въ бѣлыхъ завиткахъ;
Собаку съ умной головою
И шерстью мягкой, какъ шелкъ,
Чьей очень дальнею роднею
Былъ всѣмъ извѣстный сѣрый волкъ.
Тотъ волкъ, на чьей спинѣ шершавой,

И сухопутьемъ, и водой,
Въ погоню за широкой славой
Ѣзжалъ царевичъ молодой...
Но это—древнее преданье,
А мой герой совсѣмъ не гордъ:
Онъ—пудель, скромное созданье,
Хоть кличка у него „Милордъ“.

Мы съ нимъ въ одной квартирѣ жили
И скоро подружились съ нимъ.
Милорда холили, любили,
Считая близкимъ и своимъ.
Потомокъ доблестной породы

Красивыхъ бѣлыхъ пуделей—

Въ свои младенческіе годы

Онъ стоилъ пятьдесятъ рублей;

Прибавьте къ этому ученье—

Конечно, вышло бы не то,

И, никакого нѣтъ сомнѣнья,

Тогда бы дали полныхъ сто;

Но курсъ затѣйливой науки

Дрессированья онъ не зналъ,

Не мастеръ былъ на эти штуки

И лишь поноску подавалъ.

Его прельщаль обѣда запахъ,

Телячьи ножки и ростбифъ,

Но сѣсть служить на заднихъ лапахъ...

Онъ былъ для этого лѣнивъ;

За то играть любилъ: въ задоръ,

И удержу, бывало, нѣтъ—

Онъ бѣгалъ въ темномъ корридорѣ

За смятой пачкою газетъ;

Съ какимъ неутомимымъ рвеньемъ

Онъ дѣлалъ страшные скачки,

Хваталъ и съ явнымъ наслажденьемъ

Терзалъ добычу на клочки.

Ему шель третій годъ. До драки

Онъ неохотникъ былъ; пока

Лишь разъ дворовыя собаки

Милорду шупали бока.

Недѣли двѣ ходилъ онъ хмурый,

Хромая, точно инвалидъ,

И всею выражалъ фигурой,

Что у него нога болитъ.

Судьба утѣшила: случайно

Сошелся онъ съ однимъ щенкомъ,

Который лаялъ на весь домъ

И надоѣлъ необычайно.

Щенокъ, кидаясь изъ засады,
Трепаль Милорда за вихорь,
А тотъ лишь рѣдко, безъ досады,
Даваль внушительный отпоръ.
Своими умными глазами,
Смѣясь, посмотреть на щенка,
Притиснетъ лапою слегка—
И снова прежними друзьями.

У пуделя большая вѣра
Была въ людей; онъ ихъ любилъ:
Ни разу не было примѣра,
Чтобъ кто нибудь Милорда билъ.
Онъ подходилъ безъ опасенья
Подачку брать изъ добрыхъ рукъ,
Хвостомъ махая, только вдругъ
Съ нимъ совершилось приключенье.

Разъ, послѣ легкаго купанья,
Забывъ ошейникъ и замокъ,
Онъ вышелъ утромъ на гулянье
И съ улицы попалъ въ острогъ,
Его схватили и въ карету
Втолкнули силой. Онъ визжалъ,
Кнотомъ хлестнули; онъ смолчалъ,
Не понимая грубость эту.

Въ каретѣ встрѣтилъ онъ немало,
Попавшихъ въ гибельный просакъ,
Бродягъ знакомаго квартала
Десятка полтора собакъ.
Бокъ о бокъ съ нимъ сидѣлъ серьезный
Немолодой лягавый песъ;
Подальше—сумрачный и грозный,
Никѣмъ нечесанный барбось...

Милордъ
Онъ
Потомъ

Да, я могу себѣ представить
Милорда неподдѣльный страхъ;
Здѣсь въ первый разъ онъ могъ составить
Себѣ понятье о врагахъ.

Друзья однако не дремали—
Переполошились всѣ мы,
За пуделемъ гонца послали
И воротили изъ тюрьмы.
Онъ былъ спасенъ; но какъ боится
Людей онъ, бѣдный, съ той поры:
Ему пришлось убѣдиться,
Что не всегда они добры.

Вотъ приключеніе Милорда...

Живетъ онъ съ нами и теперь—
Его сконфуженная морда
Порой заглядываетъ въ дверь.

Д. Садовниковъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ШВЕЙЦАРИИ.

Дневникъ путешественника.

ОКОНЧАНИЕ.

Обитель С. Бернарда.

БИТЕЛЬ С. Бернарда—единственное жилище среди скалъ и снѣговъ; въ ней путешественники всегда находятъ радушный приѣмъ. Молодой монахъ, пріятной наружности, встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ, и провелъ въ большую приемную комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ для обѣда, или скорѣе ужина.

Путешественники, собравшіеся вокругъ стола, чувствовали себя какъ бы отрѣшенными отъ остальнаго міра; благодаря этому исключительному положенію, всѣ скоро познакомились между собою, и обѣдъ оживился веселой бесѣдой.

Французы, съ которыми мы не разъ встрѣчались дорогой, были всегда живы, веселы. Особенное вниманіе обратилъ на себя англичанинъ изъ Нью-Йорка: онъ не говорилъ ни слова ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, и не смотря на это, путешествовалъ по всей Европѣ. Послѣ ужина, общество разошлось на отдыхъ по своимъ комнатамъ—небольшимъ кельямъ, съ чистой, но простой обстановкой. Красныя занавѣсы изъ толстой матеріи, отдѣлявшія нѣсколько кроватей, помѣщавшихся въ каждой кельи, два-три стула и столъ—вотъ единственное убранство комнаты. Монахъ, провожавшій меня, сообщилъ много интересныхъ подробностей объ ихъ жизни.

Нельзя не относиться съ уваженіемъ къ этимъ людямъ, посвятившимъ себя на благо ближняго. Они приносятъ въ жертву не только силы и здоровье, но часто и жизнь. Ихъ въ этомъ монастырѣ 19 человекъ и все молодые люди; старики не выносятъ суроваго горнаго климата, который и на молодыхъ дѣйствуетъ такъ, что они не могутъ оставаться на этой высотѣ болѣе десяти лѣтъ.

Здѣсь единственнымъ вѣрнымъ другомъ человека является собака,—она, раздѣляя съ нимъ одиночество, труды и опасности, заслужила себѣ общее уваженіе и славу.

— А знаешь-ли, чѣмъ приобрѣли себѣ всемірную извѣстность С. Бернадскія собаки?

Описанная мною дорога составляетъ первую половину пути въ Италію черезъ Альпы. Если лѣтомъ эта дорога такъ утомительна, то можешь себѣ представить, какимъ опасностямъ подвергается путешественникъ въ суровое зимнее время, когда глубокій снѣгъ покрываетъ горы. Въ эту пору года и приходится бѣднымъ итальянскимъ работникамъ переходить черезъ Альпы на заработки въ Швейцарію, или возвращаться домой. Утомленные труднымъ переходомъ, или застигнутые бурей, многіе изъ нихъ погибали въ дорогѣ, занесенные снѣгомъ, или, сбившись съ пути, попадали въ пропасти, скрытыя обманчивой снѣжной пеленой. На помощь къ несчастнымъ являются С. Бернадскіе монахи, они съ этой цѣлью ежедневно обходятъ окрестности монастыря.

Часто ночью, во время сильной бури, какъ только она немного стихаетъ, они отправляются на поиски, не дожидаясь разсвѣта, освѣщая себѣ путь зажженными факелами.

Тутъ-то собаки и оказываютъ истинную услугу. Это умное, красивое животное, одаренное необыкновенною ловкостью и силой, какъ будто сознавая всю важность обязанности, инстинктивно понимаетъ требованія своего хозяина.

Всегда впереди, увлекая его за собой звономъ навѣшаннаго на шею колокольчика, она осматриваетъ по дорогѣ все ущелья и пропасти, забирается въ такія мѣста, куда человеку едва-ли возможно проникнуть, не подвергая опасности собственную жизнь.

Благодаря своему необыкновенному чутью, собака легко нападаетъ на слѣдъ несчастнаго путника, и, отыскивая его

въ снѣгу, отрываетъ своими могучими лапами, какъ бы нарочно для этого приспособленными самой природой. Подоспѣвшій ей на помощь, хозяинъ ея прилагаетъ всѣ старанія, чтобы возвратить къ жизни погибающаго путника.

Съ этой цѣлью у него всегда съ собой необходимыя пособія, между прочимъ фляжка съ виномъ, навѣшанная на шеѣ у собаки. Часто несчастный путникъ, сбившійся съ дороги, околѣнѣвшій отъ холода, сохранялъ еще на столько силъ, что могъ самъ воспользоваться согрѣвающимъ напѣткамъ, принесеннымъ ему собакой. Подкрѣпивъ свои силы, онъ шелъ за собакой, которая, громкимъ лаемъ выражая свою радость, приводила его въ монастырь, гдѣ спасенный странникъ находилъ всегда пріютъ и могъ спокойно оставаться до тѣхъ поръ, пока возстановленныя силы позволяли ему продолжать свой путь.

Нерѣдко случалось однако, что всѣ старанія возвратить къ жизни околѣнѣвшаго путешественника оставались безуспѣшными; тогда его тѣло приносили въ обитель, совершали надъ нимъ обрядъ отпѣванія и ставили въ особое зданіе, которое называется la Morgue.

Подъ вліяніемъ вѣчно холоднаго воздуха тѣло сохраняется здѣсь многіе годы. Это дѣлалось на случай, если бы родные вздумали отыскивать погибшаго.

Теперь дѣятельность С. Бернардскихъ монаховъ значительно уменьшилась, съ тѣхъ поръ какъ трудный путь черезъ горы замѣненъ желѣзной дорогой, черезъ туннель Монъ-Сени.

Осмотрѣвъ подробно монастырь и всѣ находившіяся тамъ рѣдкости, мы вышли на площадку, гдѣ прямо передъ монастыремъ возвышается конусообразная гора (Chenalette), съ которой, говорили, видѣнъ Монъ-Бланъ и горы Италии. Такъ какъ до отъѣзда нашего оставалось еще часа три, то мы взяли двухъ проводниковъ, вооружились альпійскими палками и стали взбираться на эту гору. Отправилось насъ человѣкъ семь, на половинѣ дороги, товарищи наши стали по немногу отставать и дошло насъ только двое.

Мы шли по невозможной дорогѣ, или вѣрнѣе сказать вовсе безъ дороги, карабкаясь на такія страшныя крутизны, что при всякомъ невѣрномъ шагѣ могли бы слетѣть въ пропасть, и добрались до вершины.

Вершина представляла острыя скалы, между ними двѣ—три небольшія площадки, на которыхъ едва могъ помѣститься одинъ человѣкъ.

Здѣсь, на всемъ протяженіи, какое только можно было окинуть взглядомъ, виднѣлись однѣ снѣжныя или скалистыя вершины горъ, а надъ ними Монъ-Бланъ.

Спускаться съ этой высоты было труднѣе, чѣмъ взбираться на нее. Опираясь на палку, мы шли очень медленно, земля и камни то и дѣло скользили изъ-подъ ногъ нашихъ, съ шумомъ скатываясь внизъ.

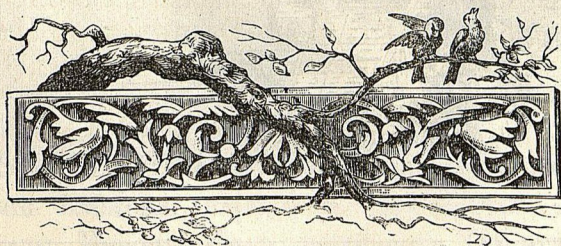
Впрочемъ все обошлось благополучно: разъ только я увязъ въ снѣгу, а товарищъ мой, поскользнувшись, прокатился на спинѣ.

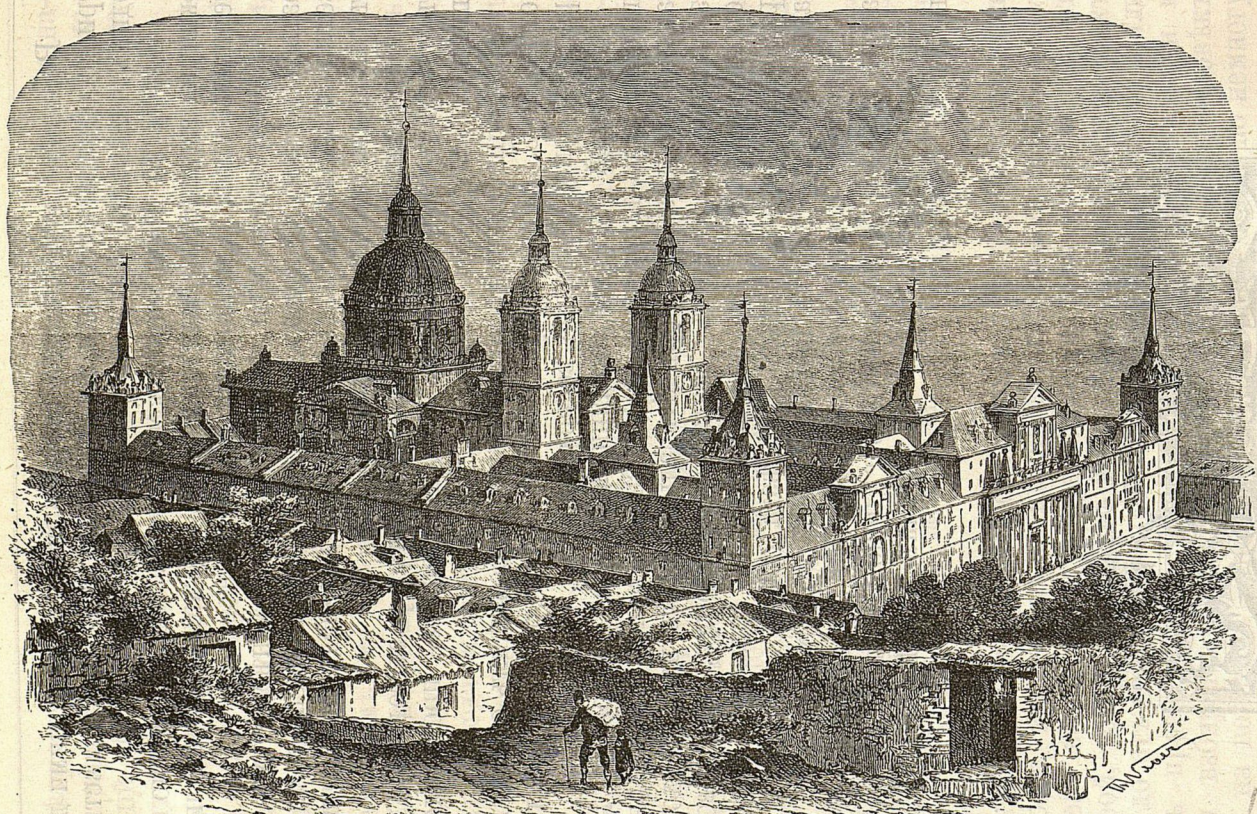
Послѣ небольшого отдыха, мы съ большимъ сожалѣніемъ покинули С. Бернардскую обитель, о которой на всегда сохранимъ самое пріятное воспоминаніе.

Обратный путь мы совершили по той же дорогѣ, но не шагомъ, какъ прежде, а летѣли внизъ стремглавъ. Не внимая нашимъ мольбамъ, кучеръ буквально мчалъ насъ по дорогѣ, извивающейся вокругъ скалъ, за которыми, при поворотѣ дороги, не видно ея продолженія и, кажется, несешься прямо въ пропасть. Такого рода ѣзда обыкновенна въ Швейцаріи: въ гору ѣздить шагомъ, а съ горы рысью.

Наконецъ послѣ четырехъ-дневнаго путешествія въ 12 часовъ дня, мы по желѣзной дорогѣ прибыли въ Ролль. Душно и жарко показалось намъ въ домикѣ послѣ прохладныхъ высотъ С. Бернарда!

Роеенко.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ МАДРИТЪ.

Эскуротъ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕЖЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.